

DOI: 10.15688/jvolsu4.2015.4.17

УДК 94(470)

ББК 63.3

СВОБОДНОЕ ВРЕМЯПРОВОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СОДЕРЖАНИЕ, РЕСУРСЫ, ОСОБЕННОСТИ

Валентина Анатольевна Агеева

Кандидат исторических наук, заведующая кафедрой истории,
Таганрогский институт им. А.П. Чехова
(филиал Ростовского государственного экономического университета)
ageewa.75@mail.ru
ул. Инициативная, 48, 347936 г. Таганрог, Российская Федерация

Аннотация. Появление новых концептуальных подходов и направлений в современной историографии, изменение содержания и источниковой базы по истории Великой Отечественной войны создали новые возможности для исследования истории повседневности, «человеческого измерения» войны. В рамках статьи военная повседневность рассматривается сквозь призму одного из сюжетов жизненного мира детей и подростков в милитаризованном пространстве – реалий свободного времяпровождения. Повседневные практики этой социальной категории представляются наименее изученными в исторической литературе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, дети, подростки, повседневность, домашний труд, игра, досуг, отдых.

По мере развития исторического знания периодически возникает потребность в переосмыслении явлений и процессов прошлого. Это обусловлено изменением научных концепций, выявлением и введением в научный оборот новых источников, совершенствованием приемов и методов изучения исторической информации. В данной связи закономерной представляется современная трансформация истории как науки о политических и экономических системах в науку о человеке в его историческом времени.

Великая Отечественная война – не просто череда наступлений и отступлений, не просто перевернутая страница прошлого, это история человеческих жизней. Обращение к проблемам военной повседневности создает основы для понимания того, как отдельные социальные группы и население страны в целом

адаптировались к экстремальным условиям милитаризованного пространства, что в советской обыденности изменилось наиболее радикальным образом в ответ на военный кризис.

Несмотря на общность переживаемых процессов, различные малые социумы создавали свой собственный жизненный мир, имевший определенные особенности. В рамках данной работы военная повседневность рассматривается сквозь призму одного из сюжетов жизненного мира детей и подростков в годы Великой Отечественной войны: реалий свободного времяпровождения, сферы отдыха и досуга. Именно указанные повседневные практики этой социальной категории представляются наименее изученными в современной историографии.

Интерес к истории советской повседневности впервые появился у представителей так

называемого ревизионистского направления в западной исторической науке – М. Левина, С. Коэна и др. [13, с. 10–15]. Ш. Фицпатрик первостепенное внимание уделяет обиходной практике, то есть тем формам поведения и стратегиям выживания, которыми пользуются люди в специфических социально-политических условиях [25].

В последнее время история советской повседневности широко разрабатывается и в российской историографии [10–14; 17]. Предметом специального изучения стала военная повседневность, характеризующаяся усилением чрезвычайности во всех сферах жизни общества [19]. Исследователи обращаются к проблемам социальной психологии масс, стереотипов общественного поведения и их взаимодействия с идеологией в 1941–1945 годах [9].

С конца 90-х гг. XX в. наблюдается повышение интереса отечественных исследователей к социально-бытовой стороне будничной жизни учащейся молодежи, досуговой сфере детей и подростков [1; 27]. И если особенностью советской историографии было преимущественно фрагментарное рассмотрение политико-воспитательной работы в формате внеклассной и внешкольной работы, деятельности пионерских и комсомольских организаций, помощи фронту [28], то в последнее время начали появляться новые, более детальные исследования об организации досуга молодежи в экстремальной обстановке войны, о роли досуговой деятельности как средства снятия состояния напряженности и страха, зависимости досуга от сельской или городской местности [16; 18]. В то же время анализ исторической литературы показывает дефицит работ, посвященных сюжетам повседневной жизни детей и подростков в годы Великой Отечественной войны как самостоятельному предмету исследований.

Стремление современной историографии вернуть истории «человеческое измерение» усиливает внимание к эго-документам, позволяющим понять человека и его поступки в конкретной ситуации, уловить то, что отличает его повседневность от жизни других, находившихся в тех же обстоятельствах. Вместе с тем целесообразно использовать и источники официального происхождения: значимая информация о социально-экономическом по-

ложении отдельных социальных групп, духовной жизни, общественно-политических настроениях, деятельности учебно-воспитательных заведений содержится в материалах делопроизводства партийных, властных и общественных структур.

Под свободным временем детей и подростков мы определяем часы, не связанные с их основной деятельностью – учебной. Свободное времяпровождение учащихся в годы войны складывалось как из форм, регламентируемых институтами социализации (школа, семья, общественные организации), так и форм, на которые накладывали свой отпечаток возраст, пол, уровень воспитания и образования, социальное положение, дружеские пристрастия и т. д.

Типичной формой организации досуга учащихся в годы войны являлись кружки. Работали они в основном при учебных заведениях, являющихся ведущими институтами социализации и воспитания подрастающего поколения. В сфере досуга значительно снизилась роль домов пионеров, музыкальных школ, станций юных натуралистов, клубов и других учреждений дополнительного образования и воспитания. На это оказали влияние многие объективные факторы милитаризованной действительности: сокращение бюджетных ассигнований, дефицит кадров, разрушение зданий и расхищение имущества во время боевых операций и немецко-фашистской оккупации, восстановление по остаточному принципу и в основном на общественных началах, отсутствие материальных и временных возможностей их посещения у детей и подростков.

Наиболее распространенными в годы войны являлись военно-физкультурные, столярные, рукоделья, хоровые, драматические, художественного чтения и другие кружки при учебных заведениях [3, л. 47 об.; 20, л. 21]. Они действовали и в довоенное время. Вместе с тем с 1941 г. изменились содержание и формы их деятельности, временные рамки режима работы, материальная база, что было обусловлено военным временем. Особенно значительно выросла численность военно-физкультурных и оборонных кружков. В условиях войны школьникам, особенно старшего возраста, было необходимо овладеть элементарными навыками военного дела. Например,

«в средней школе № 4 (г. Краснодар) в течение всего учебного года (1941–1942 гг.) работали оборонные кружки по изучению пулемета, миномета, секции штыкового боя, стрельбы, гимнастики... в Геленджикской средней школе через кружки подготовлено... значкистов противовоздушной обороны – 478 человек... 47 – сандружинниц... из них 8 уже находятся в рядах рабоче-крестьянской Красной армии...» [6, л. 39].

Сокращение выпуска мирной продукции и дефицит средств, выделяемых для сохранения, восстановления и развития материальной базы учебных заведений, повлияли на перечень изделий столярных и металлообрабатывающих кружков. Их силами изготавливались предметы школьного быта, производился весь текущий ремонт классной мебели и т. д. [2, л. 42 об.; 23, л. 20; 26, л. 15].

Появились новые кружки, оказывавшие помощь фронту, по пошиву и вязке теплой одежды для защитников Отечества. Уже к середине октября 1941 г. подобные кружки функционировали в большинстве школ Юга России: «...Кончились уроки. Тишина. Но классы не опустели. Склонившись над вязанием, сидят мальчики и девочки. Это ученики 4-го класса 34-ой Ростовской школы. Они готовят теплые вещи отцам и братьям на фронт...» [15].

Кружки творческой направленности выполняли функцию организации культурного досуга как учащейся молодежи, так и раненых в госпиталях, коллективов производственных предприятий, тружеников села: «За отличное выполнение программы вечеров школа № 13 (Таганрог) получила благодарность через печать от воинской части... Эти кружки играли большую роль в развитии общей культуры...» [21, л. 11]. Заведующий Орджоникидзевского района г. Таганрога П.В. Жидков в своем отчете за 1943–1944 учебный год отмечал: «Хоровые кружки школы № 1... и № 4, где руководители и без музыкальных инструментов, но инициативно и со знанием дела организовали детский хор... были активными участниками утренников и вечеров для школьников... особенно ценны те вечера... где присутствовали участники Великой Отечественной войны... Литературно-драматический кружок школы № 1 глубоко и хорошо разрабатывал намечен-

ные темы с начала и до конца, и итогом работы по каждой теме были выступления перед школьниками, родителями, у шефов перед рабочими. Этим кружком были подготовлены вечера: “Вечер басен И. Крылова”, “Вечер произведений Некрасова”... ряд кружковцев сами пишут стихи, былины...» [22, л. 20].

Из воспоминаний И.В. Широкова, обучавшегося в годы войны в старших классах средней школы п. Хоста:

«В школе мы ставили спектакли... выступали в госпиталях... однажды мне пришлось играть роль Гитлера, поскольку никто не хотел ее исполнять, меня обязали, как старосту класса. Я надел английский френч, оставшийся после Гражданской войны, нарисовал фашистские атрибуты, усы сделал сажеей, соответственно причесался, и за пояс заткнул самый большой поварской нож. Моя одноклассница изображала Россию. Мы с ней разыграли сцену борьбы, конечно же, Россия побеждает. Спектакль сочинили сами. Ставили также спектакли по произведениям А.П. Чехова “Злоумышленник”, “Хирургия”... Раненым очень нравились наши постановки...»¹.

Кружки творческой направленности также организовывали платные концерты, сборы от которых поступали в помощь детям фронтовиков, отправляли посылки на фронт и т. д. «Драмкружок средней школы с. Донского Труновского района дал за год 5 концертов, выручил 5 575 руб., на них приобрел обувь и одежду для остро нуждающихся учащихся и часть перечислил на организацию межколхозного детского дома... Драмкружок СШ Н. Романовки Арзгирского района собрал 10 386 руб. и все средства передал в фонд обороны... Кружок художественной самодеятельности средней школы г. Железноводска дал ряд платных концертов в Пушкинской галерее в помощь нуждающимся учащимся-детям погибших... собрал 10 000 руб., на которые приобретена одежда и продукты питания...» [7, л. 166 об.].

В целом кружковая досуговая деятельность не отвлекала детей и подростков от военной действительности, а погружала в нее еще глубже. Это проявлялось в мотивации помощи фронту, привитии навыков и умений, необходимых во фронтовых и прифронтовых условиях.

Большая доля свободного времени детей и подростков уходила на организацию быта и домашний труд: «...Уход отцов на фронт,

занятость матерей и других родственников на производстве... поставили многих учащихся в такие условия, что они взяли на себя обязанности ведения хозяйства» [2, л. 39].

Дети войны вспоминали:

«Но жить надо было, я частенько с ребятами сидела, а мать все еду искала, да из чего бы одежду нам сшить. Когда мне наступил срок в школу идти, меня мамка с 7 лет отдала, все боялись туда идти, боялись то ли не вернуться, то ли прийти в пустую хату. И все же ходили. Ели плохо, одевали, что приходилось, но формы шили, какие кто мог, но шили. Училась я охотно, но домой бежала быстро, не останавливаясь играть с ребятами, надо было нянчить сестренку и братика. А бывало – усажу их где-нибудь на травке и давай с пацанами в футбол играть, очень я любила эти мальчишеские забавы. За игрой и о войне не думалось...» [8, с. 230].

В рамках пионерского тимуровского движения школьники занимались еще и организацией домашнего хозяйства семей фронтовиков и инвалидов Великой Отечественной войны. Так, члены тимуровской команды краснодарской школы № 36 под руководством Жени Пожизаевой взяли шефство над детьми погибшего красноармейца Орлова. Ребята мастерили для них игрушки, ходили с ними на прогулку, дежурили в квартире во время отсутствия матери. Команда Игоря Казачка, учащегося 4-го класса, принимала участие в жизни семьи фронтовика Акименко, ее члены присматривали за детьми, убирали квартиру, ходили в магазин и выполняли другие поручения жены красноармейца, которая сама работала на оборонном заводе [5, л. 45]. Таких примеров было множество.

В то же время снижение контроля со стороны родителей и учебных заведений способствовало широкому распространению в подростковой среде девиантных форм свободного времяпровождения. Безнадзорное времяпровождение порождало различные асоциальные забавы-выдумки, баловство на трамвайных линиях, включая езду на трамвайных буферах и подножках, игры с взрывчатыми веществами, стрельбу из рогаток, а также более серьезные противоправные действия [24, л. 141]. Одним из центров «досуговых бедствий» в годы войны стал рынок. Из записки начальника УНКВД по Ставропольскому краю от 21 мар-

та 1944 г.: «Вследствие ослабления надзора за детьми со стороны семьи и школы многие учащиеся в учебные дни... находятся на рынках, где занимаются спекуляцией продуктами питания, табачными изделиями, спиртными напитками, воровством и др.» [4, л. 161].

Вместе с тем улица и двор предлагали и вполне положительные сценарии проведения досуга в зависимости от пола, возраста, традиций, места жительства. Из детских воспоминаний военного времени:

«Оставалось время и для игр. Играли в мяч. Но резиновых мячей не было, поэтому взрослые скатывали мячики из шерсти животных. Так же, как и теперешние дети, играли в классики, скакали через веревочку, играли в пятнашки, бегали наперегонки... В детстве в основном играли в альчики (овечьи кости), девочки играли в куклы и мячи (из коровьей шерсти, которую обшивали тканью)... Зимой катались на санках (были деревянные и железные, большие), на коньках (железка изогнутая “снигурь”, обвязывали веревкой и вокруг ноги), коньки делали обычно сами. Война хоть и шла, но мы, дети, все равно старались себя как-нибудь развлечь. Играли в разные игры. Куклы были в основном тряпичные, их делали сами. Кукол шили из рваных тряпочек, набивали соломой, угольками рисовали лицо. Игрушки изготавливали из всего, что попадалось под руку. Мальчишки выпиливали автоматы и пистолеты из досок, а мячи мастерили из старых тряпок, скручивая их тугим комком и связав веревкой. Впрочем, был и другой способ изготовления самодельного мяча. Влажной рукой гладили коров и таким образом собирали с них шерсть, потом смачивали этот ворс в воде, скатывали, в итоге получался очень прыгучий мячик. Играли мы всегда дружно. Из соломы сами делали осликов, козчиков, коровок. Очень любили играть битой посудой. Летом делали из веток деревьев шалаши, играли в лапту тряпичным мячом. Вот так и играли мы в то время...» [8, с. 230].

Играли дети и в войну:

«Война: страшно, голодно, трудно. Только нам – детям – все равно хотелось играть. Бывало, соберемся группой в человек 10, все дети с нашей улицы, и начинаем играть в войну. Станем выбирать, кто из нас будет немцем, а кто полицаем. Никто не соглашается, говоря, что не может играть эту роль, потому что на войне его отец или брат. Долго спорим, а потом начинаем играть в догонки или чехарду. Те ребята, которые побойчее были, быстро догонят нас – девчонок поменьше и говорят, что раз мы проиграли, значит быть нам в игре немца-

ми. Делать нечего – мы соглашались. Я была самая хитрая, подходила к старшему мальчику и говорила: “Сдаюсь я, солдат Красной армии, расстреляй меня!!!” Дети инсценировали мой расстрел, и я оставалась наблюдать за игрой. Очень мне не хотелось даже играть в этих немцев...» [8, с. 233].

Эти игры демонстрируют отношение детей к врагу. Его образ у многих на Юге России, где немецко-фашистский оккупационный режим был объективной реальностью, формировался под воздействием собственных чувств, опыта, переживаний. Однако жизненный оптимизм детства позволял этой возрастной категории быстрее адаптироваться к любым условиям, даже самым трагичным, многое принималось без тяжелых раздумий, и продолжались поиски положительных эмоций.

Самой распространенной и доступной формой проведения досуга учащихся разных возрастных категорий являлся просмотр кинофильмов. Киноиндустрия еще в условиях продолжающейся войны восстанавливалась и развивалась относительно быстрыми темпами, так как являлась одним из ведущих инструментов государственной пропаганды.

Более половины всех записей дневника военного времени школьницы Таганрога Маргариты Ефимовны Галах-Муравьевой посвящено описанию впечатлений от посещения кинотеатра, что вполне естественно для ее возрастной категории (15–16 лет):

«20 октября 1943 г. ... сегодня было пять уроков... Разошлись рано, еще не было пяти часов. Пошла в кино “Георгий Саакадзе”. Вещь историческая, интересная. Показывается Грузия 17 веков, разрозненная на отдельные княжества. Борьба народа, возглавляемого Саакадзе, против царей и князей. Фильм оставил хорошее впечатление».

«8 ноября 1943 г. ... С Митей пошли в кино “Октябрь”. Народу там тьма. Кинокартина “Машенька”. Содержание довольно бессмысленно. И тут опять все тоже война. Уже надоело. И в жизни довольно кажется всего: посмотрелись... а тут пойдешь в кино, чтобы хотя бы немного развлечься и опять перед тобой эта война... И сегодня тоже не день, а какой-то каламбур. Целый день в погоне за билетами в театр или в кино. Но все-таки достали на дневной себе в Гордрамтеатр и в “Рот-Фронт” на цыганский ансамбль. В театре шла “Коломбина”, посмеялись с Линой вдоволь».

«3 декабря 1943 г. ... Уже давно не была в кино (около недели)...»².

На первый взгляд, негативная оценка фильма о военных событиях, данная комсомолкой, может показаться непатриотичной, не в «духе времени». Вместе с тем человек, находящийся в состоянии стресса, полученного в условиях милитаризованного пространства, естественно ищет возможности замещения отрицательных, гнетущих эмоций положительными и жизнеутверждающими. Репертуар кинотеатров зачастую не способствовал этому процессу, что вполне объяснимо его пропагандистской направленностью.

Доступность кино, особенно для городских подростков, в условиях безнадзорности со стороны взрослых, породила проблемы посещения ими кинотеатров во время занятий в учебных заведениях и просмотра кинофильмов на вечерних сеансах, которые для них не предназначались. Поэтому государственные и партийные органы приняли правила, регламентирующие данный вид досуга для подростков. Согласно приказу наркома просвещения РСФСР В.П. Потемкина учащимся школ в возрасте до 16 лет запрещалось посещать кино и театры в учебные дни без разрешения руководства школ и сопровождения взрослых, педагогов, пионервожатых [24, л. 141]. При проверке кинотеатров г. Ставрополя в августе 1944 г. «после 21 часа подростков до 16-ти было обнаружено 12 человек, им было предложено покинуть театр, разойтись по домам» [4, л. 172].

Распространенными неформальными, не требовавшими больших материальных затрат досуговыми практиками подростков являлись посещение танцплощадок, организация небольшими компаниями, в основном под патефон, танцев у кого-нибудь дома, прогулки по парку, купание в различных водоемах. Тамара Петровна Горевая, в годы войны – ученица средней школы п. Хоста, констатировала:

«... бегали искали друг друга, купались в море, плакать не плакали, потому что мамы с нами были, и бомбы на голову не сыпались»³.

К личностным формам досуга, которые способствовали снятию психологического напряжения, связанного с переживаниями войны, можно отнести чтение книг и прослушивание музыкальных произведений.

Из дневника М.Е. Галах-Муравьевой:

«12 ноября 1943 г.. Вечером пришла из школы поздно... Сегодня, как обыкновенно бывает в субботу перед воскресеньем, целый вечер передают чудную музыку. Сейчас только что были отрывки из балета П.И. Чайковского “Щелкунчик”. Это одно из любимых мною произведений. Музыка волнует меня. Вызывает во мне какие-то необъяснимые чувства. Слушая, я забываюсь. Какой-то туман окутывает меня, я переносюсь в другой неведомый мне мир... я готова ее слушать бесконечно. Музыка и чтение – это единственные для меня удовольствия».

Итак, свободное времяпровождение занимало значительное место в структуре повседневности детей и подростков в годы войны. Его организация и для военного, и для мирного времени носила как формализованный, регламентируемый, так и неформальный личностный характер. Изменения в структуре и наполняемости свободного времени учащихся в условиях милитаризованного пространства проявились в содержании и интенсивности проведения тех или иных форм досуга, деструктивных тенденциях, ограничении материальных и временных ресурсов.

Наибольший объем свободного времени подрастающего поколения приходился на неформальные, нерегламентируемые практики досуга, решение бытовых проблем и домашний труд. В силу объективных обстоятельств военного времени значительно снизилась роль семьи, учебных и культурно-развлекательных заведений в жизнедеятельности детей и подростков. Центром их «досуговой обыденности», в том числе и асоциальной направленности, стала в годы войны улица. В компании сверстников протекал отдых, происходило формирование личностного начала и ценностных установок.

Отчасти формальные структуры, отвечавшие за свободное времяпровождение учащихся, в частности, кружки, являлись инструментом их включения в процесс оказания посильной помощи фронту и тылу и привития им навыков, умений, необходимых в условиях боевых действий. В то же время досуг не санкционированного, индивидуального характера оказывал релаксирующее воздействие, способствовал вытеснению негативных эмо-

ций, снятию состояния тревожности и страха, обусловленных военной действительностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Респондент: Широков Иван Васильевич, 1924 года рождения. Интервьюер: В.А. Агеева. Место проведения: п. Хоста, квартира респондента, 12.10.2007 г. Продолжительность 60 минут.

² Дневник военного времени жительницы г. Таганрога М.Е. Галах-Муравьевой хранится в музее истории, археологии и палеонтологии факультета истории и права Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

³ Респондент: Горевая Тамара Петровна, 1929 года рождения. Интервьюер: В.А. Агеева. Место проведения: п. Хоста, квартира респондента, 2008 г. Продолжительность 65 минут.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева, В. А. Человек тыла: историко-психологический аспект (на примере жизнедеятельности коллективов учебных заведений Юга России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) / В. А. Агеева. – Таганрог : ТГПИ, 2009. – 80 с.
2. Архивный отдел администрации г. Сочи. – Ф. Р-137. – Оп. 1. – Д. 285.
3. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 950.
4. ГАНИСК. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 1026.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. А-2306. – Оп. 70. – Д. 2753.
6. ГАРФ. – Ф. А-2306. – Оп. 70. – Д. 2778.
7. Государственный архив Ставропольского края. – Ф. Р-2174. – Оп. 5. – Д. 166.
8. Дети войны: 1941–1945 гг. (антропологический аспект). Хрестоматия. – Ставрополь : Изд-во СГПИ, 2011. – 243 с.
9. Дружба, О. В. Великая Отечественная война в историческом сознании советского и постсоветского общества : дис. ... д-ра ист. наук / Дружба Ольга Владимировна. – Ростов н/Д, 2000. – 508 с.
10. Журавлев, С. В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920–1930-х гг. / С. В. Журавлев. – М. : РОССПЭН, 2000. – 352 с.
11. Зубкова, Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 / Е. Ю. Зубкова. – М. : РОССПЭН, 1999. – 229 с.
12. Кринко, Е. Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.) / Е. Ф. Кринко. – Майкоп : Изд-во АГУ, 2000. – 242 с.

13. Кринко, Е. Ф. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций / Е. Ф. Кринко, И. Г. Тажидинова, Т. П. Хлынина. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 360 с.

14. Кринко, Е. Ф. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945) / Е. Ф. Кринко, И. Г. Тажидинова, Т. П. Хлынина. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – 362 с.

15. Молот. – 1941. – 18 сент.

16. Назаров, А. И. Повседневная жизнь молодежи в советском тылу в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Тамбовской области): дис. ... канд. ист. наук / Назаров Антон Игоревич. – Тамбов, 2010. – 205 с.

17. Орлов, И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления / И. Б. Орлов. – М.: ГУ ВШЭ, 2009. – 317 с.

18. Рожков, А. Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов: в 2 т. / А. Ю. Рожков. – Краснодар: Перспективы образования, 2002. – Т. 1. – 408 с.; т. 2. – 208 с.

19. Сенявская, Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е. С. Сенявская. – М.: РОССПЭН, 1999. – 383 с.

20. Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (ТФ ГАРО). – Ф. Р-84. – Оп. 3. – Д. 21.

21. ТФ ГАРО. – Ф. Р-84. – Оп. 3. – Д. 2.

22. ТФ ГАРО. – Ф. Р-84. – Оп. 3. – Д. 3.

23. ТФ ГАРО. – Ф. Р-84. – Оп. 3. – Д. 4.

24. ТФ ГАРО. – Ф. Р-165. – Оп. 4. – Д. 10.

25. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик. – М.: РОССПЭН, 2001. – 336 с.

26. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. – Ф. 1774а. – Оп. 2. – Д. 1841.

27. Чуев, С. А. Состояние и развитие народного образования в Воронежской области накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1939–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Чуев Сергей Алексеевич. – Воронеж, 1998. – 184 с.

28. Яркина, Т. Ф. Школы РСФСР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. пед. наук / Яркина Татьяна Федоровна. – М., 1954. – 575 с.

Velikoy Otechestvennoy voyny 1941-1945 gg.) [A Man of the Rear: Historical and Psychological Aspect on the Example of Life Activity of Universities' Staff of the South of Russia During the Great Patriotic War of 1941-1945]. Taganrog, TGPI Publ., 2009. 80 p.

2. *Arkhivnyy otdel administratsii g. Sochi* [The Archive Department of Sochi Administration]. F. R-137, Op. 1, D. 285.

3. *Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Stavropolskogo kraya* [The State Archive of the Newest History of the Stavropol Region]. F. 1, Op. 2, D. 950.

4. *Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Stavropolskogo kraya* [The State Archive of the Newest History of the Stavropol Region]. F. 1, Op. 2, D. 1026.

5. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archive of the Russian Federation]. F. A-2306, Op. 70, D. 2753.

6. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archive of the Russian Federation]. F. A-2306, Op. 70, D. 2778.

7. *Gosudarstvennyy arkhiv Stavropolskogo kraya* [State Archive of the Stavropol Region]. F. R-2174, Op. 5, D. 166.

8. *Deti voyny: 1941-1945 gg. (antropologicheskii aspekt). Khrestomatiya* [The Children of the War: 1941-1945 (Anthropological Aspect). Anthology]. Stavropol, Izd-vo SGPI, 2011. 243 p.

9. Druzhba O.V. *Velikaya Otechestvennaya voyna v istoricheskom soznanii sovetskogo i postsovetskogo obshchestva: dis. ... d-ra ist. nauk* [The Great Patriotic War in the Historical Consciousness of Soviet and Post-Soviet Society. Dr. hist. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2000. 508 p.

10. Zhuravlev S.V. *“Malenkie lyudi” i “bolshaya istoriya”*: *inostrantsy moskovskogo Elektrozavoda v sovetskom obshchestve 1920-1930-kh gg.* [“Little People” and “Big History”: Foreigners of Moscow Electric Plant in Soviet Society of 1920-1930s]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 352 p.

11. Zubkova E.Yu. *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost. 1945-1953* [After-War Soviet Society: Policy and Routine. 1945-1953]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999. 229 p.

12. Krinko E.F. *Zhizn za liniy fronta: Kuban v okkupatsii (1942-1943 gg.)* [Life Beyond the Front Line: Kuban in the Occupation (1942-1943)]. Maykop, Izd-vo AGU, 2000. 242 p.

13. Krinko E.F., Tazhidinova I.G., Khlynina T.P. *Povsednevnyy mir sovetskogo cheloveka 1920-1940-kh gg.: zhizn v usloviyakh sotsialnykh transformatsiy* [Routine World of a Soviet Person in 1920-1940s: Life Under the Conditions of Social Transformations]. Rostov-on-Don, Izd-vo YunTs RAN, 2011. 360 p.

REFERENCES

1. Ageeva V.A. *Chelovek tyla: istoriko-psikhologicheskii aspekt (na primere zhiznedeyatelnosti kollektivov uchebnykh zavedeniy Yuga Rossii v gody*

14. Krinko E.F., Tazhidinova I.G., Khlynina T.P. *Chastnaya zhizn sovetskogo cheloveka v usloviyakh voennogo vremeni: prostranstvo, granitsy i mekhanizmy realizatsii (1941-1945)* [Private Life of a Soviet Person at War Time: Space, Bounders and Realization Mechanism (1941-1945)]. Rostov-on-Don, Izd-vo YunTs RAN, 2013. 362 p.
15. *Molot*, 1941, Sept. 18.
16. Nazarov A.I. *Povsednevnyaya zhizn molodezhi v sovetskom tylu v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941-1945 gg. (na materialakh Tambovskoy oblasti): dis. ... kand. ist. nauk* [Routine Life of Soviet Youth in the Rear During the Great Patriotic War, 1941-1945 (on the Data of the Tambov Region). Cand. hist. sci. diss.]. Tambov, 2010. 205 p.
17. Orlov I.B. *Sovetskaya povsednevnost: istoricheskiy i sotsiologicheskiy aspekty stanovleniya* [Soviet Daily Life: Historical and Sociological Aspects of Development]. Moscow, GU VShE Publ., 2009. 317 p.
18. Rozhkov A.Yu. *V krugu sverstnikov: Zhiznenny mir molodogo cheloveka v sovetskoj Rossii 1920-kh godov: v 2 t.* [In the Circle of Coevals: the World of the Young Man's Life in Soviet Russia of the 1920s. In 2 vols.]. Krasnodar, Perspektivy obrazovaniya Publ., 2002, vol. 1. 408 p.; vol. 2. 208 p.
19. Senyavskaya E.S. *Psikhologiya voyny v XX veke: istoricheskiy opyt Rossii* [The Psychology of War in the 20th Century: Russia's Historical Experience]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999. 383 p.
20. *Taganrogskiy filial Gosudarstvennogo arkhiva Rostovskoy oblasti* [Taganrog Branch of State Archive of the Rostov Region]. F. R-84, Op. 3, D. 21.
21. *Taganrogskiy filial Gosudarstvennogo arkhiva Rostovskoy oblasti* [Taganrog Branch of State Archive of the Rostov Region]. F. R-84, Op. 3, D. 2.
22. *Taganrogskiy filial Gosudarstvennogo arkhiva Rostovskoy oblasti* [Taganrog Branch of State Archive of the Rostov Region]. F. R-84, Op. 3, D. 3.
23. *Taganrogskiy filial Gosudarstvennogo arkhiva Rostovskoy oblasti* [Taganrog Branch of State Archive of the Rostov Region]. F. R-84, Op. 3, D. 4.
24. *Taganrogskiy filial Gosudarstvennogo arkhiva Rostovskoy oblasti* [Taganrog Branch of State Archive of the Rostov Region]. F. R-165, Op. 4, D. 10.
25. Fitspatrik Sh. *Povsednevnyy stalinizm. Sotsialnaya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. Social History of Soviet Russia in the 1930s: City]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 336 p.
26. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Krasnodarskogo kraja* [Documentation Centre of the Newest History of the Krasnodar Region]. F. 1774a, Op. 2, D. 1841.
27. Chuev S.A. *Sostoyanie i razvitie narodnogo obrazovaniya v Voronezhskoy oblasti nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny, 1939-1945 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [The State and Development of National Education in the Voronezh Region Before and During the Great Patriotic War, 1939-1945. Cand. hist. sci. diss.]. Voronezh, 1998. 184 p.
28. Yarkina T.F. *Shkoly RSFSR v period Velikoy Otechestvennoy voyny (1941-1945 gg.): dis. ... kand. ped. nauk* [The Schools of RSFSR During the Great Patriotic War (1941-1945). Cand. ped. sci. diss.]. Moscow, 1954. 575 p.

LEASURE OF CHILDREN AND TEENAGERS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: CONTENT, RESOURCES, PECULIARITIES

Valentina Anatolyevna Ageeva

Candidate of Sciences (History),
Head of Department of History,
Taganrog Institute named after A.P. Chekhov
(Branch of Rostov State University of Economics)
ageewa.75@mail.ru
Initsiativnaya St., 48, 347936 Taganrog, Russian Federation

Abstract. The appearance of new conceptual approaches and trends in modern historiography, changing the contents and the source base on the history of the Great Patriotic War created new opportunities for the study of the history of everyday life, the “human dimension” of the war. As part of the article the war daily life is considered through the prism of one of the stories of the children's and teenagers' life in militarized space – the reality of consolidated pastime. Daily practice of this social category is the least studied in the historical literature.

Leisure activities occupied a significant place in the structure of everyday life of children and teenagers during the war. Its organization both for military and peacetime was formally regulated along with informal and personal time. Changes in the structure and filling the free time of students in a militarized space appeared in the content and the intensity of certain forms of leisure time, destructive tendencies, limited material and time resources.

The greatest amount of free time of the younger generation was in the informal, unregulated practice of leisure, the solution of domestic problems and housework. Due to objective circumstances of the wartime the role of the family, educational, cultural and entertainment establishments in the life of children and adolescents significantly fell. Thus, during the war a street became the center of their "leisure routine," including asocial orientation. Free time proceeded among coevals; there was a formation of personality and values.

Partly the formal structures responsible for leisure activities of students, in particular, hobby clubs, is a tool for their inclusion in the process of providing possible assistance for front and rear and give them the skills necessary in combat. At the same time unauthorized, individual leisure had a relaxing effect contributed to the displacement of negative emotions, lifting the state of anxiety and fear caused by military reality.

Key words: Great Patriotic war, children, teenagers, everyday life, house work, game, leisure, recreation.